

МАЙКЛ ДЖОРДАН

РОЛАНД ЛАЗЕНБИ

МАЙКЛ ДЖОРДАН

ЕГО ВОЗДУШЕСТВО

БОМБОРА™

Москва 2021

УДК 796.323.2:929
ББК 75.566
Л17

Roland Lazenby
MICHAEL JORDAN: THE LIFE

Иллюстрации *Валентина Поткина*

Лазенби, Роланд.
Л17 Майкл Джордан. Его Воздушество / Роланд Лазенби ; [перевод с английского А. А. Качалова]. — Москва : Эксмо, 2021. — 512 с.: ил. — (Подарочные издания. Иконы спорта).

ISBN 978-5-04-117142-1

Майкл Джордан – величайший баскетболист в истории, опередивший свое время. То, каким мы знаем баскетбол сейчас, во многом его заслуга.

Но гораздо лучше Джордана характеризует не его наследие, а отношение к делу. Уникальный профессионал, превращавший ненавидимые им слабости в свою силу. Мастер, для которого границы и страхи были просто иллюзиями. Джентльмен, которому ради побед удавалось совмещать эгоистичную натуру и командное взаимодействие.

Он никогда не прекращал борьбу, потому что больше всего ненавидит проигрывать.

«Я могу принять поражение, но я не могу принять отсутствие попыток».

УДК 796.323.2:929
ББК 75.566

ISBN 978-5-04-117142-1

© 2014, by Full Court Press, Inc. This edition published by arrangement with Little, Brown and Company, New York, New York, USA. All rights reserved.
© Качалов А.А., перевод на русский язык, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Часть I. КЕЙП-ФИР

Глава 1. ХОЛЛИ ШЕЛТЕР	13
Глава 2. КРОВАВЫЙ УИЛМИНГТОН	20

Часть II РАННИЕ ГОДЫ

Глава 3. ВЛИЯНИЕ	29
Глава 4. СОПЕРНИК	39
Глава 5. БРИЛЛИАНТ	48

Часть III. ВОСХОЖДЕНИЕ

Глава 6. ИСКЛЮЧЕНИЕ	61
Глава 7. НОМЕР 23	70
Глава 8. ТРАНСФОРМАЦИЯ	83
Глава 9. «ФАЙВ-СТАР»	90
Глава 10. МАЙКЛ	100

Часть IV. ИСТИННО СИНИЙ

Глава 11. ПЕРВОКУРСНИК	115
Глава 12. КОЕ-ЧТО НОВОЕ	139
Глава 13. СИСТЕМНЫЙ СБОЙ	156

Часть V. ДЕБЮТАНТ

Глава 14. ЗОЛОТАЯ ЛИХОРАДКА	169
Глава 15. ВЛАСТЬ ЧЕРНЫХ	177
Глава 16. ПЕРВЫЙ ВЗГЛЯД	186

Часть VI. ЛЕТНАЯ ШКОЛА

Глава 17. МОЛОДОЙ ПЛЕННИК	201
Глава 18. НОГА	210
Глава 19. АТАКУЙ!	224

Часть VII. ЦИНИК

Глава 20. ВОТ ЭТО РАЗВЛЕЧЕНИЕ!	237
Глава 21. ПРАВИЛА ДЖОРДАНА	250
Глава 22. ВЫСОКИЙ ПОЛЕТ	263
Глава 23. АВТОСВАДЬБА	277
Глава 24. ПЕРЕХОД	290
Глава 25. БОГ БАСКЕТБОЛА	304

Часть VIII. ПРИОБРЕТЕНИЯ

Глава 26. ТРЕУГОЛЬНИК	315
Глава 27. АЗАРТ	328
Глава 28. ВСЕ ТО, ЧТО БЛЕСТИТ	341

Часть IX. ДАЛЕКО-ДАЛЕКО

Глава 29. LEXUS	359
Глава 30. БРИЛЛИАНТОВАЯ МЕЧТА	367
Глава 31. ВОЗВРАЩЕНИЕ	376
Глава 32. ТРЕНИРОВОЧНЫЙ ЛАГЕРЬ	391

Часть X. ЯРОСТЬ

Глава 33. КАРНАВАЛ	405
Глава 34. РАСПЛАТА	419
Глава 35. «ВЗРЫВ» В АВТОБУСЕ	436

Часть XI. ЖИЗНЬ ПОСЛЕ

Глава 36. ЛИМБ	459
Глава 37. «УИЗАРДС»	472
Глава 38. КАРОЛИНА	492
БЛАГОДАРНОСТИ	509

ПРОЛОГ

Глаза защитника раскрываются все шире, как и должно быть. Через мгновение перед ним предстанет все то кинестетическое великолепие, которое впервые подвигло людей изобрести технологию *slow-motion*¹, позволяющую в точности рассмотреть, что происходит в момент, когда движение ловко обманывает человеческий разум.

Обстановка до боли знакомая. Что-то треснуло и надломилось в структуре атаки команды на другом конце площадки, и это моментально разожгло пламя ответного выпада. Вся оборона теперь в спешке отступает. Защитник ускорился, бросился назад к своему кольцу и, обернувшись, увидел размытое пятно. Темная фигура в красном завладела мячом, она движется с ним, на большой скорости прокладывая себе путь сквозь окружающий хаос. Она перекатывает мяч с правой руки в левую и обеими руками поднимает его вверх, ведя в полушаге от левого бедра.

В этот самый момент ее язык вываливается изо рта. Иногда он мог лишь слегка показаться между зубами, но в этот раз выскочил целиком, гротескно вытянувшись, точно какая-то мультяшная кукла, решившая безмолвно посмеяться над защитником. В этом выражении лица словно скрывается какой-то плотоядный, непристойный даже контекст, как будто данк сам по себе недостаточно унизителен. Веками воины инстинктивно строили такие гримасы, чтобы напугать своих врагов. Быть может, здесь происходит то же самое, а может, он сказал правду и это лишь уникальное для него выражение максимальной концентрации, перенятое у отца.

Как бы то ни было, 22-летнему Майклу Джордану ясно предстала вся картина момента, и он высунул язык перед глазами защитника, словно он сам Шива, древний бог смерти и разрушения, устремившийся к кольцу. Так же быстро язык скрывается из виду, и в момент шага Джордан поднимает мяч вверх к левому плечу, переворачивает его перед своим лицом двумя руками и отрывается от пола, чуть заступив за линию штрафного броска. Защитники вжались в пространство трехсекундной зоны, но длинная и тонкая фигура уже взлетает в воздух, парит между ними и, приближаясь к цели, переводит мяч в свою громадную правую кисть. На мгновение рука взметнулась наподобие кобры, готовой атаковать жертву. Он проскользил по воздуху к кольцу, взмыв над полом в гордом одиночестве — время как будто исчезло и растворилось, — и спокойно закончил начатое. У зрителей странный глухой звук слэм-данка вызывает глубочайшее возбуждение. Он открывает у них рефлекс, как у собак Павлова, почти хищнический, какой порой проявляется в нас, когда на канале Nature показывают кадры охоты льва на антилопу.

Дуга атаки Джордана по форме выглядела почти как идеальная парабола — от взлета до приземления. Со временем профессора физики и даже один полковник Военно-воздушных сил займутся

¹ Ускоренная киносъемка с частотой кадров, превышающей стандартную в несколько раз. Используется для получения эффекта замедленного движения при проекции фильма со стандартной частотой кадров, а также в научных целях. — *Здесь и далее примеч. пер.*

интенсивными исследованиями этого феномена, пытаясь дать ответ на вопрос, изводивший мировую аудиторию: «Майкл Джордан *летит?*» Все они будут замерять его «hang-time»², а потом заявлять, что его «полет» — лишь иллюзия, ставшая возможной благодаря импульсу, что придавала его телу скорость отрыва от земли. Чем больше они говорили о его выдающихся по силе мышцах бедер и икр, чем чаще упоминали «быстрсокращающиеся мышечные волокна» и его «центр тяжести», тем больше выглядели людьми, отчаянно сотрясающими воздух.

Все путешествие Джордана от линии штрафного броска до кольца длится от силы секунду.

Да, Элджин Бэйлор и Джулиус Ирвинг тоже умели необычно долго висеть в воздухе — но они выступали еще до появления продвинутых видеотехнологий, которые могли бы дать публике возможность посмаковать их подвиги у кольца. «Полет» Джордана же был чем-то совершенно иным, феноменом своей эпохи, олицетворявшим уход от прошлого, которое когда-то казалось невосприимчивым к будущему.

Из миллионов людей, игравших в эту игру, только он один мог летать.

Джордан и сам рассуждал на эту тему в первые месяцы своей профессиональной карьеры, когда посмотрел видеозапись своей игры. «Летел ли я? — спрашивал он. — Так мне казалось, по крайней мере, какое-то короткое время». Редчайший талант подобен комете, за долю секунды пролетающей в небесах, и доказательством его великолепия становится лишь шлейф, идущий по следу. Вся завораживающая карьера Майкла Джордана оставила болельщиков, прессу, его бывших тренеров и партнеров, даже самого Джордана недоумевать о том, что случилось, и размышления о ней одолевают их даже теперь, спустя многие годы после того, как он в последний раз выходил на паркет.

«Порой я спрашиваю себя, на что это будет похоже, если оглянуться на все происходящее, — однажды сказал он, — будет ли это все вообще казаться реальным».

А оно было реальным? В поздние годы его карьеры наступят времена, когда располневший Джордан и его изменившееся лицо станут мишенью для ядовитых насмешек, Интернет будет потешаться над его неудачными решениями на менеджерском поприще или его личными неудачами, но даже это не сможет затмить свет, который он источал, будучи игроком, когда в нем видели пришельца с другой планеты.

В начале своего пути он был просто Майклом Джорданом, обычным подростком из Северной Каролины с туманным будущим; по окончании школы он размышлял о карьере в Военно-воздушных силах. Начало 1980-х обернулось его трансформацией в Майкла, архангела баскетбольных колец. В процессе этой трансформации его персона стала катализатором невероятного взлета бизнес-империи Nike, которая вскоре сделала его своим молодым императором, отдав ему роль, одновременно сковывавшую его и дарившую свободу. Он стал воплощением компетентности. Никто, казалось, не умел делать свое дело так хорошо, как Майкл Джордан умел играть в баскетбол. «Его компетентность превосходит лишь его уверенность в себе», — отмечал многоопытный спортивный журналист из Чикаго Лэйси Бэнкс.

Профессиональный баскетбол всегда боролся со своим неприглядным имиджем: взрослые мужчины бегают по площадке в чем-то сильно напоминающем нижнее белье. Но Джордан возвысился надо всем этим своим «полетом». Поначалу это был едва уловимый элемент его игры, крупица своего рода крутизны, которую он принес с собой в спорт. Вскоре он влюбил в себя мировую аудиторию, покоровившуюся ему как раз тогда, когда американское телевидение приближалось к пику своего могущества и влияния. Для целого поколения невероятно притягательная реклама Gatorade

² Время, которое игрок проводит в воздухе при прыжке.

1991 г. послужила саундтреком жизни, мантрой: «Иногда я мечтаю, что он — это я. Вы должны увидеть, кем я мечтаю стать... Если бы я был как Майкл...»

Симбиоз культуры и технологий вытолкнул его на эту беспрецедентную по масштабу и значению роль парящего высоко в небе божества мирового спорта и иконы торговой империи, поражающей практически всех своими спектаклями на площадке. Арт Чански, автор, пишущий о баскетболе, для которого Джордан был обычным парнем из Университета Северной Каролины, потом вспоминал, каким было его удивление, когда он приехал провести Майкла в Чикаго. «Находясь на старом чикагском «Стэдиуме», я поразился, увидев, как он идет к площадке по проходу между сидений за лицевой линией, позади корзины, поразился тому эффекту, который он оказывал на людей вокруг. На взрослых мужчин и женщин. Вы знаете, сколько им нужно было зарабатывать, чтобы позволить себе такие места, начнем с этого? Просто чтобы оказаться в нескольких метрах от Майкла. Я смотрел на их лица, гримасы. Казалось, что мимо них проходит Мессия. А после матча в раздевалке его окружали не менее десятка журналистов».

И вправду Мессия. Поклонение с годами приобрело такой устрашающий размах, что многолетний пиар-менеджер «Буллз» Тим Халлам начал называть Джордана Иисусом. Халлам мог вернуться к своему ассистенту по связям с общественностью и непринужденно спросить: «Видел сегодня Иисуса?»

Эта эволюция стала возможной из-за казавшегося непоколебимым везения Майкла. Ральф Сэмпсон противостоял Джордану в колледже, когда оба стремились к награде «Лучший игрок года» среди студентов, а в последующие десятилетия он замороженно наблюдал за восхождением своего соперника на вершину славы. Да, Джордан обладал всеми необходимыми физическими данными и беспрецедентным трудолюбием, как признает Сэмпсон, но отмечает, что нельзя забывать и об удаче, недостатка в которой Джордан не знал. Он был как будто благословлен свыше: работал только с лучшими тренерами, получал великолепных партнеров в команду.

«Я к тому, что он работал над игрой, и если в чем-то уступал другим, у него всегда была мотивация трудиться, чтобы стать в этом лучше всех, — отмечал Сэмпсон в интервью 2012 г., данном незадолго до того, как его самого включили в Зал славы. — Но кроме этого он попал в нужную обстановку, оказался в правильной команде, отличные тренеры сумели разглядеть его талант и способности, а потому решили строить команду вокруг него, и это сработало. Так что думаю, что сочетание всех этих факторов сделало его тем, кем он стал».

Никто лучше самого Джордана не понимал, какая удивительная цепочка событий сделала его жизнь такой, какой она получилась. «Расчет времени — это все», — делился он мыслями, вспоминая о прошлом незадолго до своего 50-летия. Однако расчет времени и везение едва ли были ключом к разгадке.

Спортивный психолог Джордж Мамфорд был ошеломлен, впервые увидев, каким оживленным был 32-летний Джордан на тренировках. Психолог был наслышан об огромном аппетите Майкла и о том, как мало тот спит, а потому, только начав работать на «Буллз», сразу же заподозрил, что у главной звезды команды маниакально-депрессивный синдром или биполярное расстройство, а может, и то и другое сразу. «Он неистовствовал, его гиперэнергетика была повсюду, — вспоминает Мамфорд ту тренировку. — Я подумал: «Он просто не сможет выдерживать такое подолгу».

Не иначе, Джордан страдает неким маниакальным расстройством психики, заключил Мамфорд. Маниакально-депрессивный синдром сопровождается фазами необычайной активности больного, за которыми следуют периоды значительного упадка сил и настроения. В последующие недели психолог внимательно наблюдал за Джорданом, рассчитывая разглядеть у него признаки депрессии после завершения периода бурной деятельности. Но изучив поведение Майкла, Мамфорд осознал, что

оживление и невероятное стремление состязаться попросту были характерными чертами обычного поведения игрока. Мамфорд когда-то и сам играл в баскетбол в Университете Массачусетса и жил в общежитии вместе с Джулиусом Ирвингом, так что опыта общения с талантами высшей пробы ему было не занимать. Но Джордан явно выделялся на общем фоне, заключил вскоре Мамфорд. В зону высокого уровня выступлений, к которой другие атлеты подбирались с большим трудом, у Джордана был пропуск на постоянной основе. «Майклу приходилось искать мотивацию, чтобы вывести себя в это состояние, — объяснял Мамфорд. — Чем чаще ты ловишь моменты в этой зоне, тем сильнее тебе хочется увеличить их число. Большинству людей это не под силу. Его способность найти это состояние, его способность сконцентрироваться, закрыться в себе были почти что сверхчеловеческими. Он был из какого-то другого мира».

А в матчах? «Он находился в самом эпицентре урагана, — говорил Мамфорд. — Чем больше безумия и хаоса было вокруг, тем спокойнее он становился».

Большую часть начального этапа своей карьеры Джордан посвящал поискам способа укротить эти свои таланты и научиться использовать их на благо команды, потому что кроме прочего он отчаянно нуждался в победах. И если поначалу публика обратила на него внимание из-за его «полета», то потом удержать ее взгляды на себе ему позволило уже другое — ошеломительная жажда соревноваться и побеждать. Вскоре очарование публики сменилось безудержным драйвом, приведшим к тому, что он стал проверять на прочность все и всех вокруг на протяжении всей карьеры. Он проверял своих друзей и женщин на преданность, проверял своих тренеров и партнеров, чтобы убедиться, что их сердца и головы достаточно сильны, чтобы позволить им быть рядом с ним. Чем больше энергии он аккумулировал, тем чаще случались испытания на прочность. Он приобрел репутацию весьма жесткого человека за эту свою склонность проверять всех и вся. Джеймс Уорти, его друг и партнер из Северной Каролины, называл Джордана задирой и хулиганом.

Джордан признавал его правоту: «Я мог быть суровым», — откровенничал он в 1998 г.

Но по большей части на прочность он проверял самого себя. Казалось, что ему довольно скоро открылся секрет жизни в постоянной конкуренции: чем большее бремя он на себя взвалит, тем крепче будут его силы, необходимые в такой ситуации. Это лишь усложняло его и без того невероятно сложный для понимания образ.

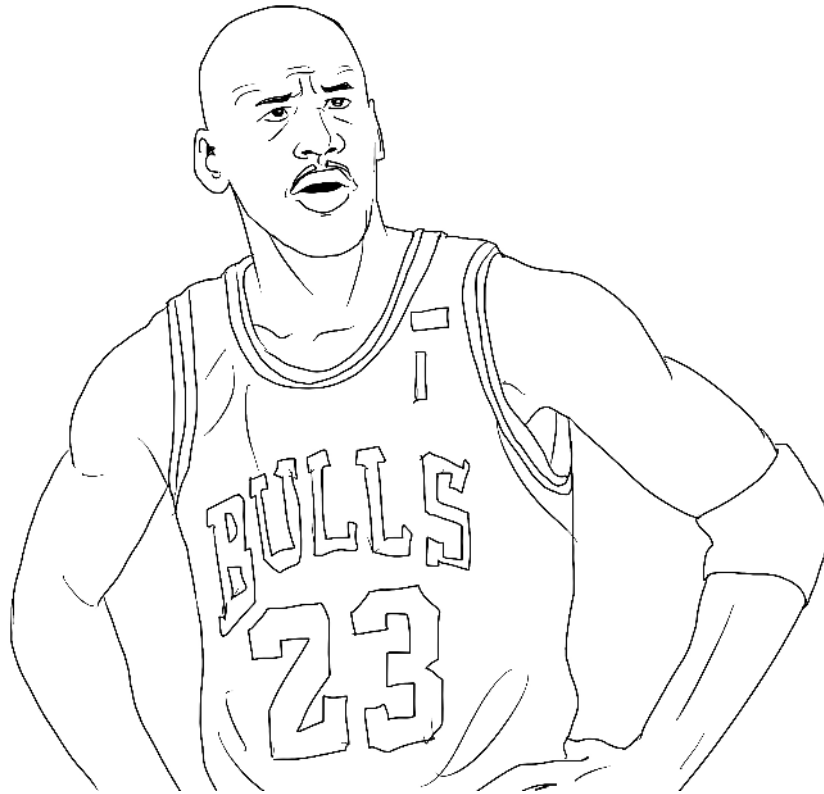
Текс Уинтер, много лет работавший в «Чикаго Буллз» ассистентом тренера и дольше всех из тренеров сотрудничавший с Джорданом, сказал, что за шесть десятилетий в баскетболе ему никогда не доводилось встречать на своем пути более многогранную личность. «Его личность достойна отдельного исследования. Он — настоящий феномен, — говорил Уинтер о Джордане, когда их совместная работа подходила к концу. — Думаю, что мне не хватит интеллекта, чтобы объять многие нюансы, которые определяют характер Майкла, делают его таким, какой он есть. Думаю, что я довольно неплохо проанализировал его личность, но он остается человеком-загадкой в очень многих аспектах, и мне кажется, что так будет всегда, даже для него самого».

Осознание этого камнем свалилось на многих фанатов в 2009-м, когда Джордан, произнося свою речь на церемонии включения его в Зал славы баскетбола, резко раскритиковал очень многих значимых людей в своей карьере, в том числе и тренера команды Университета Северной Каролины Дина Смита. Бывшие коллеги, спортивные комментаторы, болельщики — все выразили удивление и недовольство заявлениями Джордана. Он оказался не тем, кем они его считали все эти годы, на протяжении которых его имидж был таким безукоризненным.

Они думали, что знают его. Они ошибались.

ЧАСТЬ I

КЕЙП-ФИР



ГЛАВА 1

ХОЛЛИ ШЕЛТЕР

«**Б**ог баскетбола», как его будут называть болельщики во всем мире, появился на свет с окровавленным носом, в Бруклине, довольно зябким февральским воскресеньем 1963-го, когда из-за холода от всех люков канализации, разбросанных вокруг госпиталя Камберленд, столбом валил пар. Баскетбольный гуру Ховард Гарфинкел впоследствии с большим удовольствием отметит, что госпиталь стал также местом рождения братьев Альберта и Бернарда Кингов, и этот факт делает его своего рода легендарным местом в городе, всегда высоко чтившем своих знаменитых спортсменов.

Несмотря на эту бруклинскую ауру своего начала, будущая невероятная и чрезвычайно насыщенная жизнь Джордана начала обретать свои первые очертания в совершенно другом месте и гораздо раньше: почти на самом рубеже XIX – XX вв., в месте рождения его прадедушки, на Прибрежной равнине штата Северная Каролина.

В те дни казалось, что смерть повсюду. Ее запах поднимался вверх по течению каждое утро и смешивался с солоноватым воздухом. Чайки кричали подобно Банши, оповещая округу о том, что никто из живущих в этих маленьких трущобах даже не посмеет назвать простое выживание чем-то само собой разумеющимся. Вот здесь по-настоящему начинается история жизни Майкла Джордана, в крошечном домике на берегу черноводной реки, прокладывающей себе извилистый путь меж сосновых лесов и болот, где потихоньку гонят самогон, а в воздухе витает какой-то мистический, таинственный дух, его здесь так же много, как и комьев серого мха, свисающих с деревьев.

Год был 1891-й, прошло всего 26 лет после окончания кровопролитной американской Гражданской войны, принесшей в эти земли столько насилия и хаоса. Местечком была деревушка на берегу реки под названием Холли Шелтер, в округе Пендер, что примерно в 30 милях³ к северо-западу от Уилмингтона, и в 40, если сплавляться по петляющему северо-восточному притоку реки Кейп-Фир, как это часто делали предки Джордана. Предположительно свое название место приобрело после окончания Войны за независимость: холодными зимними ночами солдаты здесь искали укрытие (shelter) от непогоды под падубами (holly tree). Саванна граничит с болотистой местностью, которая в годы рабовладения становилась убежищем для людей другого рода – беглых рабов. Предположительно владельцем одной из крупнейших плантаций региона был белый проповедник из Джорджии по фамилии Джордан. После освобождения многие рабы стали стекаться в Холли Шелтер. «Они обжили болота, – объясняет Уолтер Баннерман, дальний родственник Джордана. – Холли Шелтер была болотом и ничем иным».

Вскоре, впрочем, наступят такие мрачные времена, что значение второго слова в названии поселения утратит всякий смысл: убежища тут было уже не найти.

³ 1 миля = 1,61 км.

И это стало первым примечательным штрихом в жизни маленького мальчика.

Он родился на свет в типичный для этих мест изнуряюще знойный день в конце июня 1891 г., после того как утихла очередная серия прибрежных штормов, столь часто угрожавших обитателям реки. Коронеры регистрировали поразительное количество случаев мертворожденных детей и детских смертей в этих лачугах, а потому многие семьи зачастую ждали долгие дни, даже недели, прежде чем дать имена своим новорожденным. Этот ребенок, однако, был настоящим живчиком, о чем свидетельствовал пронзительный вопль, которым он будил по ночам свою мать, — много лет спустя его голос, такой же громкий, но уже куда более низкий, бас-профундо, будет сигналом для его вертлявого и суетного шестилетнего правнука Майкла: пора сосредоточиться и начать вести себя смирно.

Внедрение законов Джима Кроу и политики превосходства белых развернулось в Северной Каролине такими свирепыми темпами, что отголоски этой эпохи ощущались еще долгие годы после того, как эти законы канули в Лету. В этом мире привычной окружающей жестокости прадедушка Майкла Джордана жил на грани нищеты, в атмосфере беспощадного расизма. Еще хуже его существование сделала смерть, забиравшая родных и друзей, почти всех подряд, начиная от младенцев и маленьких девочек и кончая крепкими молодыми мужчинами, она не щадила никого из жителей тех прибрежных поселений, хотя большинство умерших только стояли на пороге расцвета своей жизни.

Но все эти кошмары ждали маленького мальчика в будущем. В день его рождения, в июне 1891-го, его 21-летняя мать, Шарлотта Хэнд, пребывала в несколько затрудненном положении, так как не была замужем за отцом мальчика, Диком Джорданом. Само понятие брака было чем-то далеким и незнакомым в этом мире трущоб и бараков, так как законы Северной Каролины долгое время запрещали рабам жениться и выходить замуж, отнимая у них это право наряду с другими привилегиями. Законы штата были крайне жестокими, к примеру, в прошлом они разрешали рабовладельцам наказывать любого непокорного молодого раба кастрацией.

Единственным, на что молодой Доусон Хэнд мог полагаться в те бурные и до крайности неопределенные 90-е гг. XIX столетия, была материнская любовь. Он так и останется единственным ребенком Шарлотты, и они пронесут свою взаимную любовь через многие десятилетия. После рождения Доусона Шарлотта нашла приют в доме родных и растила мальчика, живя сначала вместе с семьей одного своего брата, а потом другого. Большую часть 20 первых лет своей жизни мальчик прожил под именем Доусон Хэнд, оно значилось в его официальных документах. Однако какими бы гостеприимными ни были братья его матери, пройдет совсем немного времени, прежде чем он подрастет и заметит разительный контраст.

Хэнды были светлокожими настолько, что целый ряд членов семьи мог сойти за белого или индейца, в то время как Джорданы были людьми с кожей темно-шоколадного оттенка. Из всего поколения братьев и кузенов Хэнд лишь один был темнокожим, как расскажут годы спустя члены семьи. Белые Хэнды в округе Пендер были видной семьей рабовладельцев, и их черные отпрыски будут еще долго судачить о том, что белый мужчина из Хэндов наконец признал неудобную правду — что один из чернокожих Хэндов был его брат. Это, возможно, объясняет, почему в подростковые годы мальчик взял фамилию своего отца и в официальных записях стал зваться Доусоном Джорданом.

Доусон вырос в молодого мужчину, которого на первый взгляд мало что роднило с его статным правнуком. Доусон был невысоким — по некоторым данным, ростом всего 5 футов⁴ — и коренастым.

⁴ 1 фут = 0,3048 м.

А еще он был калекой, вынужденным волочить за собой нездоровую ногу в течение своей долгой жизни. Но, как и его правнук, Доусон обладал невероятной физической силой. И был таким же бесстрашным, его отличала непривычная крепость, позволявшая ему в молодости творить такие подвиги, которые еще многие десятки лет будут предметом обсуждения и изучения в его родных краях. Но что более важно, из столкновений со своими врагами Доусон Джордан каким-то образом умудрялся выходить несломленным, непобежденным, и причины этого никак не могли понять следующие поколения семьи.

С точки зрения того, какой исключительной получилась жизнь Майкла Джордана, легко упустить из виду один важный аспект, повлиявший на формирование его характера больше всех прочих: на протяжении большей части периода своего взросления и формирования личности он жил вместе с представителями четырех поколений семьи Джорданов, что уже можно считать большим достижением с учетом того, какие социальные факторы долгие годы угрожали жизни афроамериканских мужчин.

Прадед Дассон, как его часто называли, был авторитетной фигурой в жизни молодого Майкла Джордана. Вся семья в полном составе почти целое десятилетие прожила вместе в фермерском округе Тичи в Северной Каролине. Даже в годы активной автомобилизации и строительства четырехполосных шоссе Доусон Джордан продолжал упорно следовать своей давней привычке – передвигался на повозке, в которую с гордостью запрягал своего мула. Даже будучи глубоким стариком, он привязывал к копытам своего мула мягкие накладки и следил за тем, чтобы ось повозки всегда была хорошенько смазана: так можно было без лишнего шума срываться по ночам за самогоном. В дневное время его правнуки с удовольствием запрыгивали в этот маленький фургон, чтобы добраться до города, а Майкл вместе со старшими братьями иногда развлекался тем, что дразнил боровов, которых старик разводил вплоть до своей смерти в 1977 г., настигшей его спустя всего несколько дней после четырнадцатого дня рождения Майкла.

Тогда юные Джорданы едва ли осознавали, что мул и боровы – по сути, все их воспоминания, связанные с прадедом, – были трофеями, доставшимися ему от славно прожитой жизни. Как объяснял много позже сам Майкл, Доусон Джордан не был из тех людей, с которыми можно было бы поговорить о прошлом или значимости животных в жизни семьи. Но даже случайное упоминание о Доусоне могло вызвать слезы в глазах его знаменитого правнука.

«Он был суровым, – говорил Джордан о своем деде. – Он был таким. Да, именно таким».

РЕКА

Вы начнете слегка улавливать вибрации мира Доусона Джордана, если встанете с утра пораньше и выйдете к северо-восточному притоку Кейп-Фир, что протекает мимо Холли Шелтер. Теперь это место по большей части отдано для сельскохозяйственных нужд и передано заповедникам, но солнечный свет здесь все тот же, каким был раньше: беспощадный и ослепительный большую часть года, он пляшет, отражаясь от воды, и растворяется лишь с наступлением утреннего тумана. Чтобы найти убежище от палящего зноя, вам придется двинуться в глубь территории, минуя заболоченные леса и ручьи, к одиночеству тех мест, что скрывались в тени некогда величественно возвышавшихся здесь девственных болотных сосен.

Доусон Джордан провел здесь свою юность, работая посреди смоляных ям в лесах: он валил последние из оставшихся величественных деревьев, связывал бревна в огромные плоты и спускал